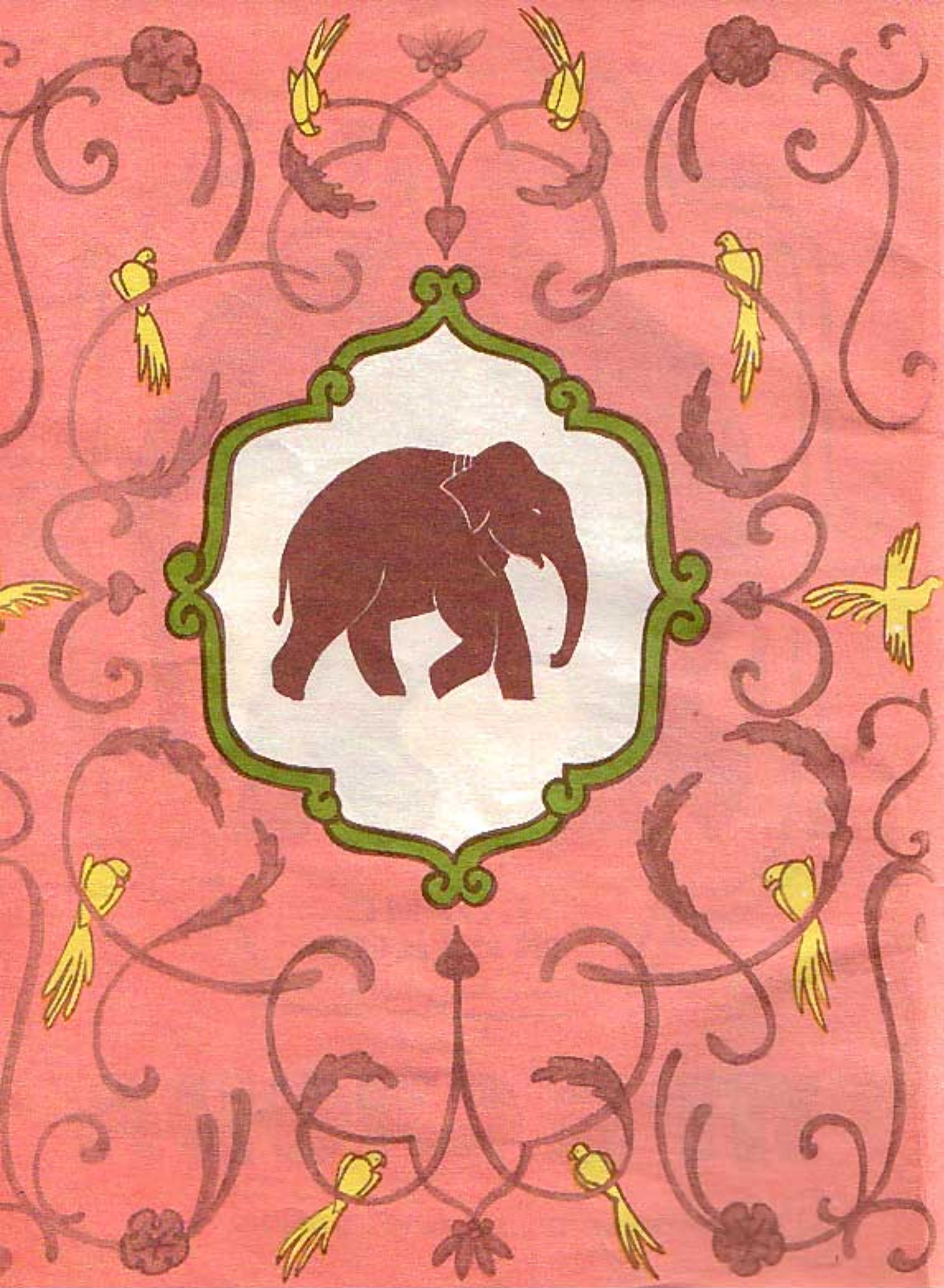

БОРИС
ЖИТКОВ

ПРО СЛОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1978

**БОРИС
ЖИТКОВ**

Художник
Юрий Копейко

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1978

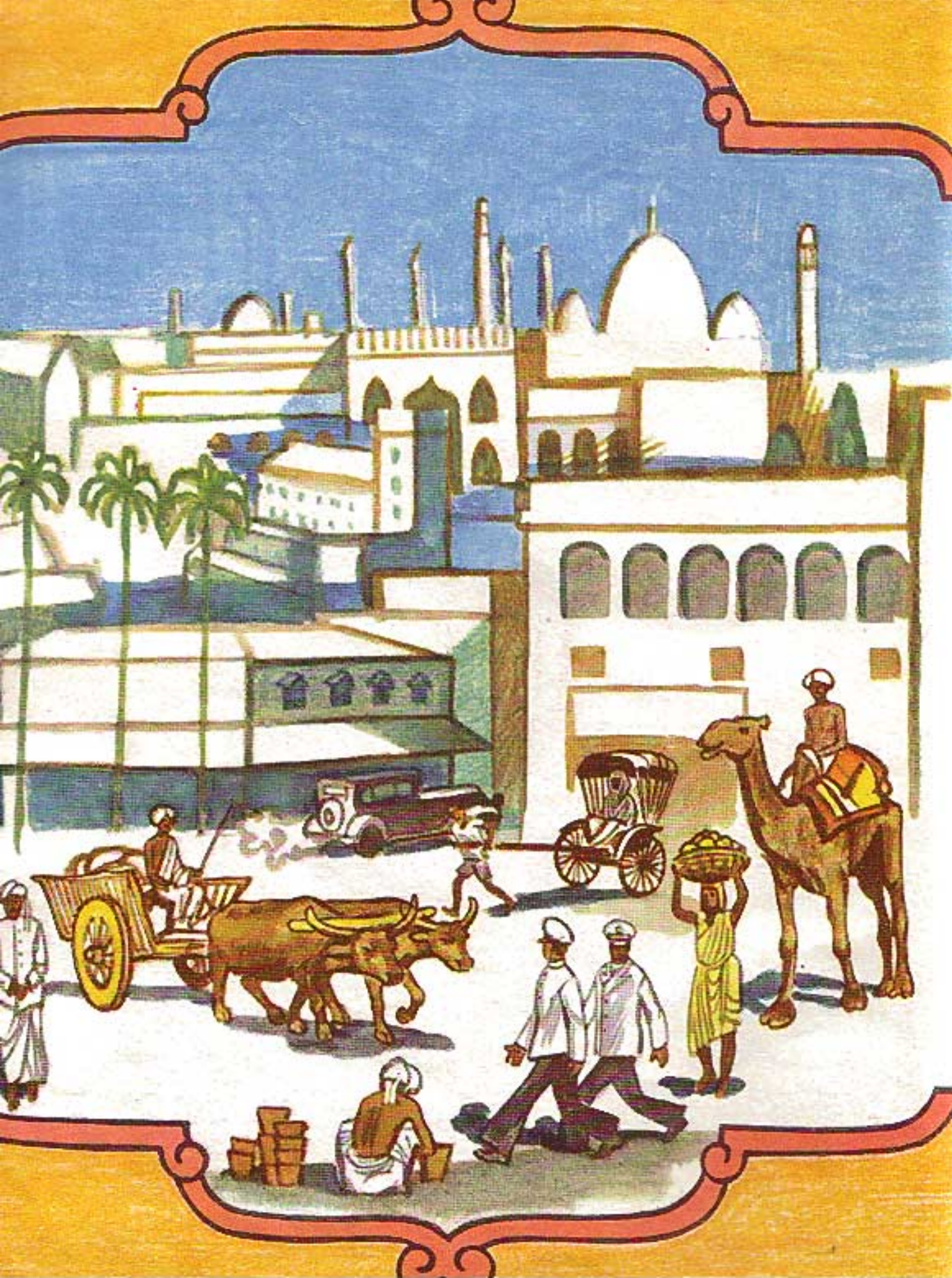

ы подходили на пароходе к Индии. Утром должны были прийти. Я сменился с вахты, устал и никак не мог заснуть: всё думал, как там

будет. Вот как если б мне в детстве целый ящик игрушек принесли и только завтра можно его раскупорить. Всё думал: вот утром сразу открою глаза, и индусы, чёрные, заходят вокруг, забормочут непонятно, не то что на картинке. Бананы прямо на кусте, город новый— всё зашевелится, заиграет. И слоны! Главное— слонов мне хотелось посмотреть. Всё не верилось, что они там не так, как в зоологическом, а запросто ходят, возят— по улице вдруг такая громада прёт!

Заснуть не мог, прямо ноги от нетерпения чесались. Ведь это, знаете, когда сушей едешь, совсем не то: видишь, как всё постепенно меняется. А тут две недели океан— вода и вода,— и сразу новая страна. Как занавес в театре подняли.

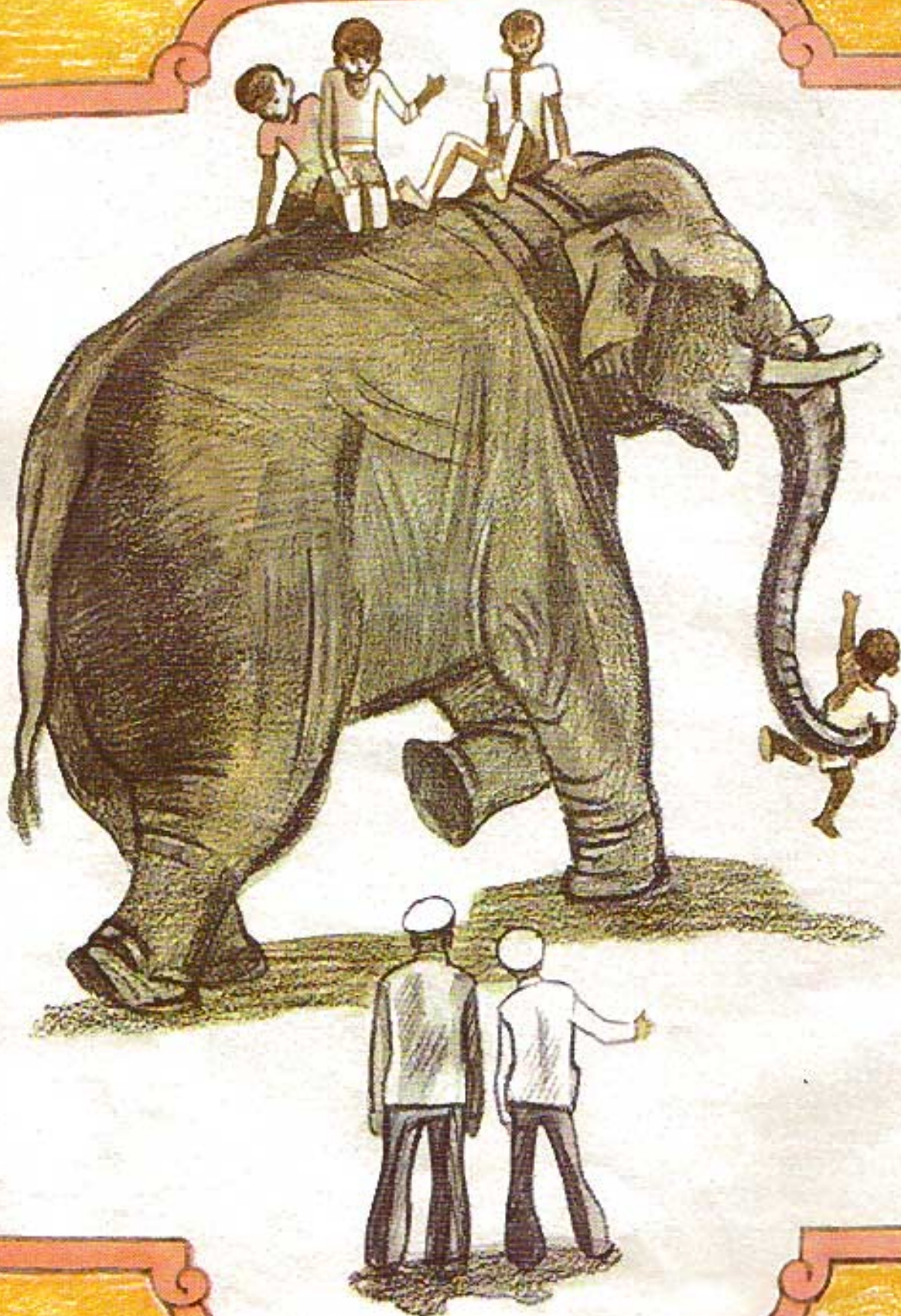
Наутро затопали на палубе, загудели. Я бросился к иллюминатору, к окну, — готово: город белый на берегу стоит; порт, суда, около борта шлюпки: в них чёрные в белых чалмах — зубы блестят, кричат что-то; солнце светит со всей силы, жмёт, кажется, светом давит. Тут я как с ума сошёл, задохнулся прямо: как будто я — не я и всё это сказка. Есть ничего с утра не хотел. Товарищи дорогие, я за вас по две вахты в море стоять буду — на берег отпустите скорей.

Выскочили вдвоём на берег. В порту, в городе всё бурлит, кипит, народ толчётся, а мы — как оголтелые и не знаем, что смотреть, и не идём, а будто нас что несёт (да и после моря по берегу всегда странно ходить). Смотрим — трамвай. Сели в трамвай, сами толком не знаем, зачем едем, лишь бы дальше, — очумели прямо. Трамвай нас мчит, мы глазеем по сторонам и не заметили, как выехали на окраину. Дальше не идёт. Вылезли. Дорога. Пошли по дороге. Придём куда-нибудь!

Тут мы немного успокоились и заметили, что здорово жарко. Солнце над самой маковкой стоит; тень от тебя не ложится, а вся тень под тобой: идёшь и тень свою топчешь...

Порядочно уже прошли, уж людей не стало встречаться, смотрим — навстречу слон. С ним четверо ребят — бегут рядом по дороге. Я прямо глазам не поверил: в городе ни одного не видали, а тут запросто идёт по дороге. Мне казалось, что из зоологического вырвался. Слон нас увидел и остановился. Нам жутковато стало: больших при нём никого нет, ребята одни. А кто его знает, что у него на уме. Мотанёт раз хоботом — и готово.

А слон, наверно, про нас так думал: идут какие-то необыкновенные, неизвестные, — кто их знает? И стал. Сейчас хобот загнул крючком, мальчишка старший стал на крюк на этот, как на подножку, рукой за хобот придерживается, и слон его осторожно отправил себе на голову. Тот там уселся между ушами, как на столе. Потом слон тем же порядком отправил ещё двоих сразу, а третий был маленький, лет четырёх, должно быть, — на нём только рубашонка была коротенькая, вроде лифчика. Слон ему подставляет хобот — иди, мол, садись. А он выкрутасы разные делает, хохочет, убегает. Старший кричит ему сверху, а он скачет и дразнит — не возмёшь, мол. Слон не стал ждать, опустил хобот и пошёл — сделал вид, что он на его фокусы и смотреть не хочет. Идёт, хоботом мерно покачивает, а мальчишка вьётся около ног, кривляется. И как раз,

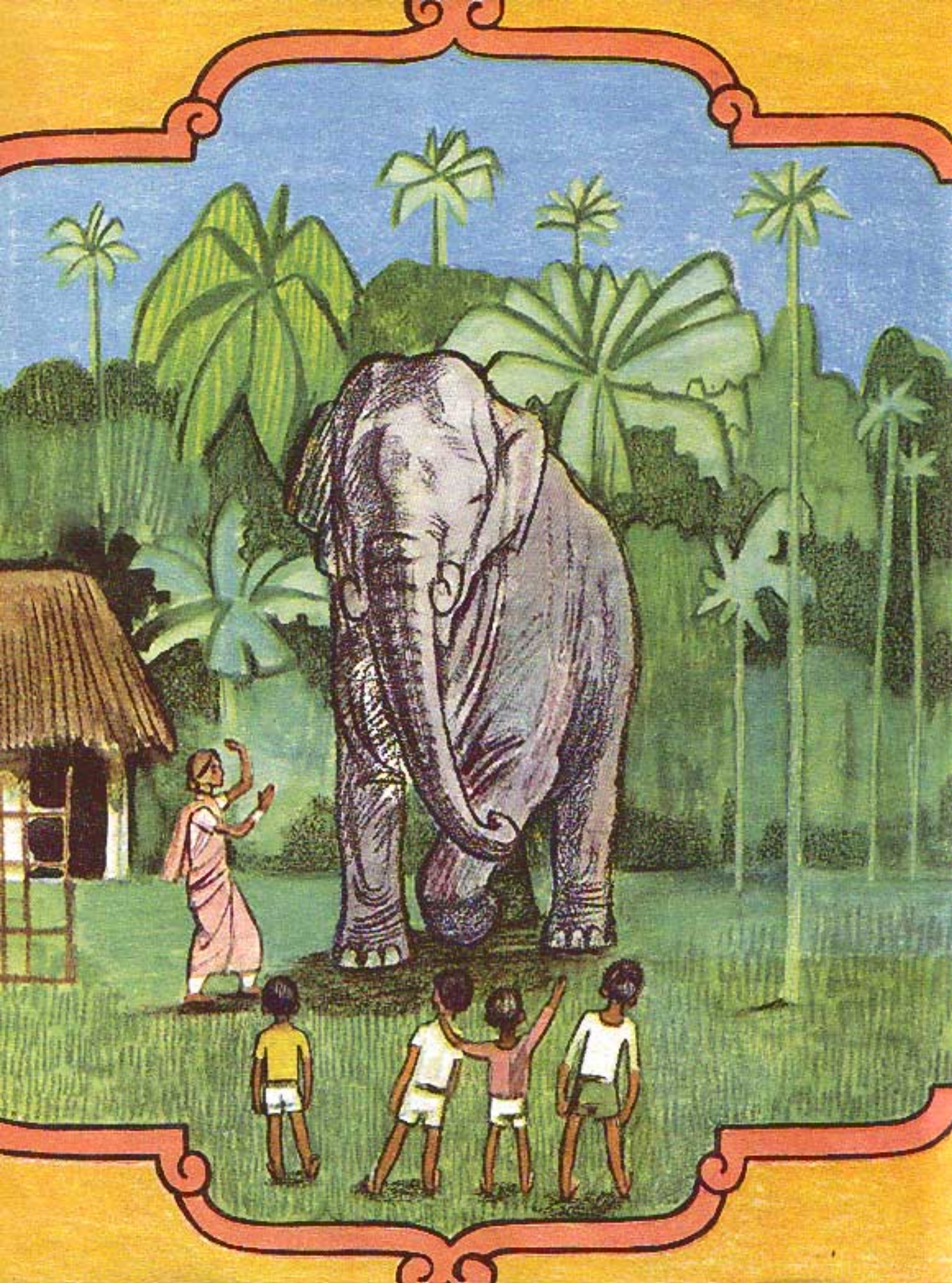
когда он ничего не ждал, слон вдруг хоботом цап! Да так ловко! Поймал его за рубашонку сзади и подымает наверх осторожно. Тот руками, ногами — как жучок. Нет уж! Никаких тебе. Поднял слон, осторожно опустил себе на голову, а там ребята его приняли. Он там, на слоне, всё ещё воевать пробовал.

Мы поравнялись, идём стороной дороги, а слон с другого бока и на нас внимательно и осторожно глядит. А ребята тоже на нас пялятся и шепчутся меж собой. Сидят, как на дому, на крыше.

«Вот, — думаю, — здорово: им нечего там бояться. Если б и тигр попался навстречу, слон тигра поймает, схватит хоботом поперёк живота, сдвинет, швырнёт выше дерева и, если на клыки не подцепит, всё равно будет ногами топтать, пока в лепёшку не растопчет».

А тут мальчишку взял, как козявку, двумя пальчиками: осторожно и бережно.

Слон прошёл мимо нас: смотрим, сворачивает с дороги и пошёл в кусты. Кусты плотные, колючие, стеной растут. А он через них, как через бурьян — только ветки похрустывают, — перелез и пошёл к лесу. Остановился около дерева, взял хоботом ветку и пригнул ребятам. Те сейчас же повскакали на ноги, схватились за ветку и что-то с неё обирают. А маленький подскакивает, старается тоже ухватить, возится, будто он не на слоне, а на земле стоит. Слон пустил ветку и другую пригнул. Опять та же история. Тут уж маленький совсем, видно, в роль вошёл: совсем залез на эту ветку, чтоб ему тоже досталось, и работает. Все кончили, слон пустил ветку, а маленький-то, смотрим, так и полетел с веткой. Ну, думаем, пропал — полетел теперь, как пуля, в лес. Бросились мы туда. Да нет, куда там! Не пролезть через кусты: колючие, и густые, и путаные. Смотрим, слон в листьях хоботом шарит. Нашупал этого маленького — он там, видно, обезьянкой уцепился, — достал его и посадил на место. Потом слон вышел на дорогу впереди нас и пошёл обратно. Мы за ним. Он идёт и по временам оглядывается, на нас косится: чего, мол, сзади идут какие-то? Так мы за слонем пришли к дому. Вокруг плетень. Слон отворил хоботом калиточку и осторожно просунулся во двор; там ребят спустил на землю. Во дворе индуска на него начала кричать что-то. Нас она сразу не заметила. А мы стоим, через плетень смотрим.

Индуска орёт на слона, — слон нехотя повернулся и пошёл к колодцу. У колодца врыты два столба, и между ними вьюшка; на ней верёвка намотана и ручка сбоку. Смотрим, слон взялся хоботом за ручку и стал вертеть: вертит как будто пустую, вытащил — целая бадья там на верёвке, вёдер десять. Слон упёрся корнем хобота в ручку, чтобы не вертелась, изогнул хобот, подцепил бадью и, как кружку с водой, поставил на борт колодца. Баба набрала воды, ребят тоже заставила таскать — она как раз стирала. Слон опять бадью спустил и полную выкрутил наверх. Хозяйка опять начала его ругать. Слон пустил бадью в колодец, тряхнул ушами и пошёл прочь — не стал воду больше доставать, пошёл под навес. А там в углу двора на хлипких столбиках навес был устроен — только-только слону под него подлезть. Сверху камышу накидано и каких-то листьев длинных.

Тут как раз индус, сам хозяин. Увидал нас. Мы говорим — слона пришли смотреть. Хозяин немного знал по-английски, спросил, кто мы: всё на мою русскую фуражку показывает. Я говорю — русские. А он и не знал, что такое русские.

— Не англичане?

— Нет, — говорю, — не англичане.

Он обрадовался, засмеялся, сразу другой стал: позвал к себе.

А индусы англичан терпеть не могут: англичане давно их страну завоевали, распоряжаются там и индусов у себя под пяткой держат¹.

Я спрашиваю:

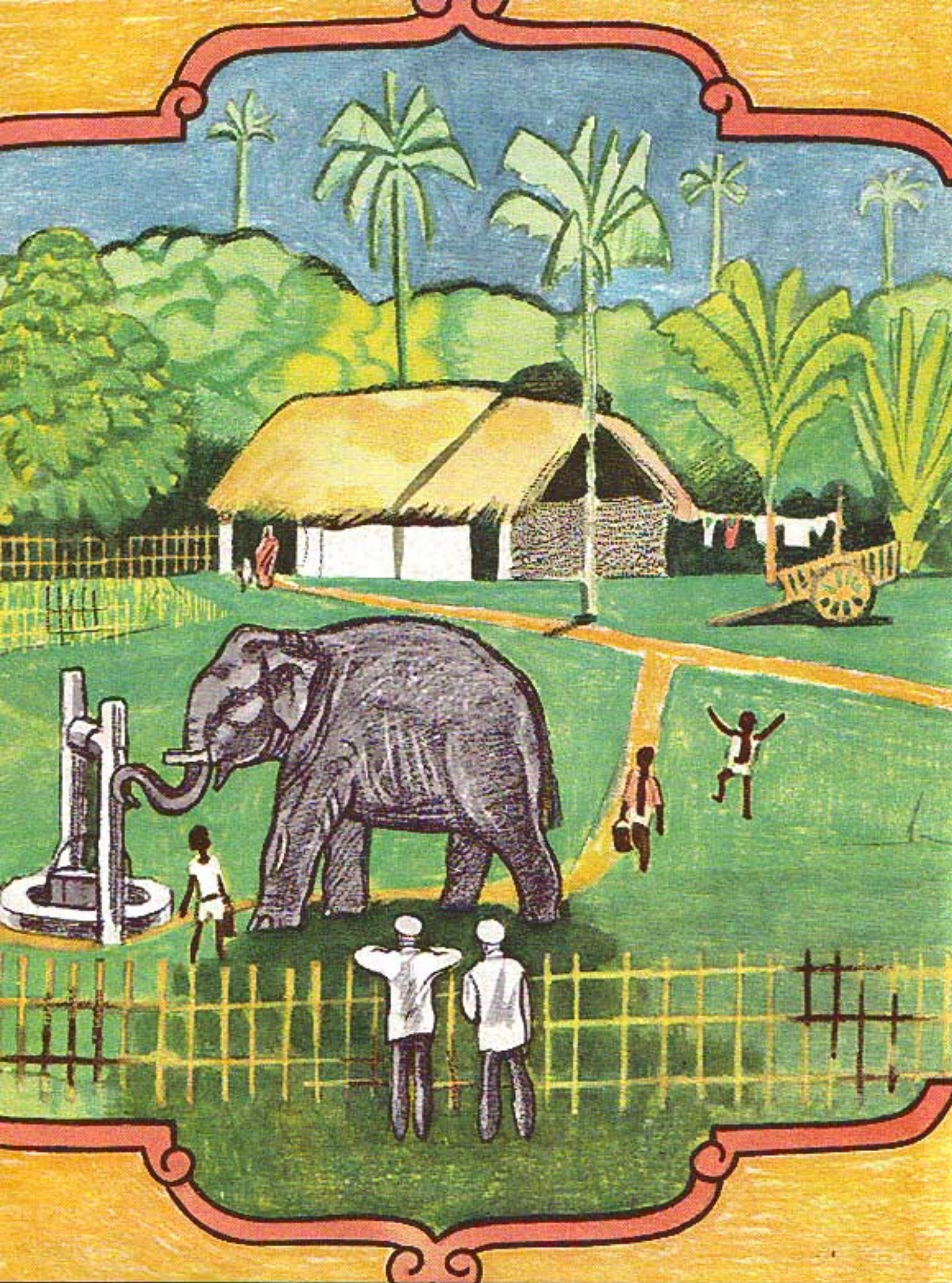
— Чего это слон не выходит?

— А это он, — говорит, — обиделся и, значит, не зря. Теперь нипочём работать не станет, пока не отойдёт.

Смотрим, слон вышел из-под навеса, в калитку — и прочь со двора. Думаем, теперь совсем уйдёт. А индус смеётся. Слон пошёл к дереву, опёрся боком и ну тереться. Дерево здоровое — прямо ходуном ходит. Это он чешется так вот, как свинья об забор.

Почесался, набрал пыли в хобот и туда, где чесал, пылью, землёй как дунет! Раз, и ещё, и ещё! Это он прочищает, чтобы не заводилось ничего в складках: вся кожа у него твёрдая, как

¹ Рассказ написан в 1925 году, когда Индия была колонией Англии. С 1950 года Индия — независимая республика.

подошва, а в складках — потоньше, а в южных странах всяких насекомых кусачих масса.

Ведь смотрите какой: об столбики в сарае не чешется, чтобы не развалить, осторожно даже пробирается туда, а чесаться ходит к дереву. Я говорю индусу:

— Какой он у тебя умный!

А он хохочет.

— Ну, — говорит, — если бы я полтораста лет прожил, не тому ещё выучился бы. А он, — показывает на слона, — моего деда нянчил.

Я глянул на слона — мне показалось, что не индус тут хозяин, а слон, слон тут самый главный.

Я говорю:

— Старый он у тебя?

— Нет, — говорит, — ему полтораста лет, он в самой поре! Вон у меня слонёнок есть, его сын, — двадцать лет ему, совсем ребёнок. К сорока годам в силу только входить начинает. Вот погоди, придёт слониха, увидите: он маленький.

Пришла слониха, и с ней слонёнок — с лошадь величиной, без клыков; он за матерью, как жеребёнок, шёл.

Ребята индусовы бросились матери помогать, стали прыгать, куда-то собираться. Слон тоже пошёл; слониха и слонёнок — с ними. Индус объясняет, что на речку. Мы тоже с ребятами.

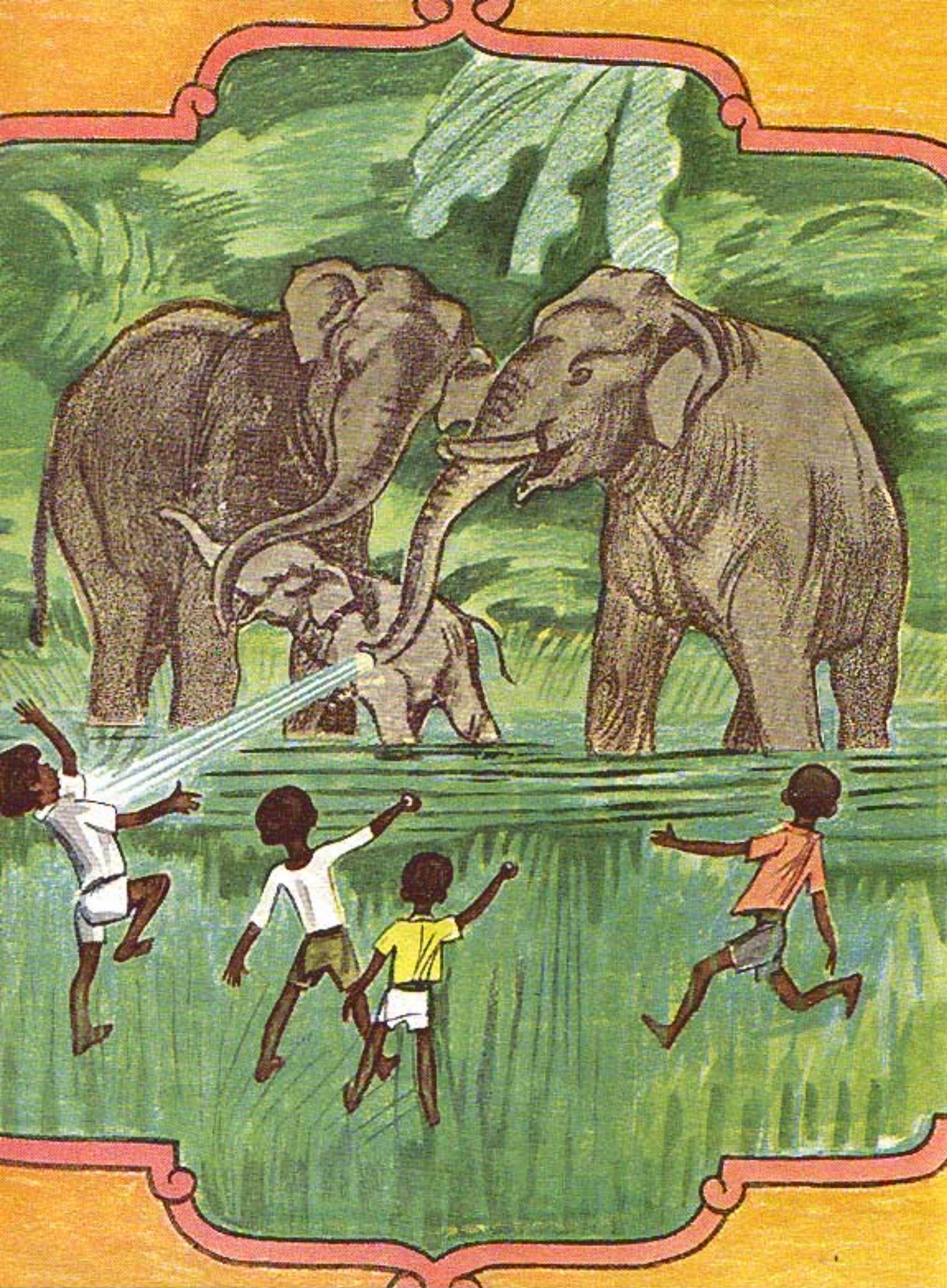
Они нас не дичились. Всё пробовали говорить — они по-своему, мы по-русски — и хохотали всю дорогу. Маленький больше всех к нам приставал — всё мою фуражку надевал и что-то кричал смешное — может, про нас.

Воздух в лесу пахучий, пряный, густой.

Шли лесом. Пришли к реке.

Не река, поток — быстрый, так и мчит, так берег и гложет. К воде обрывчик в аршин. Слоны вошли в воду, взяли с собой слонёнка. Поставили, где ему по грудь вода, и стали его вдвоём мыть. Наберут со дна песку с водой в хобот и, как из кишки, его поливают, здорово так — только брызги летят.

А ребята боятся в воду лезть — больно уж быстрое течение, унесёт. Скачут на берегу и давай в слона камешками кидать. Ему нипочём, он даже внимания не обращает — всё своего слонёнка моет. Потом смотрю, набрал в хобот воды и вдруг как повернёт на мальчишек и одному прямо в пузо как дунет струёй — тот так и сел. Хохочет, заливается.

Слон опять своего мыть. А ребята ещё пуще камешками его донимать. Слон только ушами трясёт: не приставайте, мол, видите, некогда баловаться! И как раз, когда мальчишки не ждали, думали — он водой на слонёнка дунет, он сразу хобот повернул да в них.

Те рады, кувыркаются.

Слон вышел на берег; слонёнок ему хобот протянул, как руку. Слон заплёл свой хобот об его и помог ему на обрывчик вылезти.

Пошли все домой: трое слонов и четверо ребят.

На другой день я уж расспросил, где можно слонов поглядеть на работе.

На опушке леса, у речки, нагроможден целый город тёсаных брёвен: штабеля стоят, каждый вышиной в избу. Тут же стоял один слон. И сразу видно было, что он уж совсем старик — кожа на нём совсем обвисла и заскорузла, и хобот как тряпка болтается. Уши обгрызенные какие-то. Смотрю, из лесу идёт другой слон. В хоботе качается бревно — громадный брус обтёсанный. Пудов, должно быть, во сто. Носильщик грузно переваливается, подходит к старому слону. Старый подхватывает бревно с одного конца, а носильщик опускает бревно и перебирается хоботом в другой конец. Я смотрю, что же это они

будут делать? А слоны вместе, как по команде, подняли бревно на хоботах вверх и аккуратно положили на штабель. Да так ровно и правильно — как плотник на постройке.

И ни одного человека около них.

Я потом узнал, что этот старый слон и есть главный артельщик: он уже состарился на этой работе.

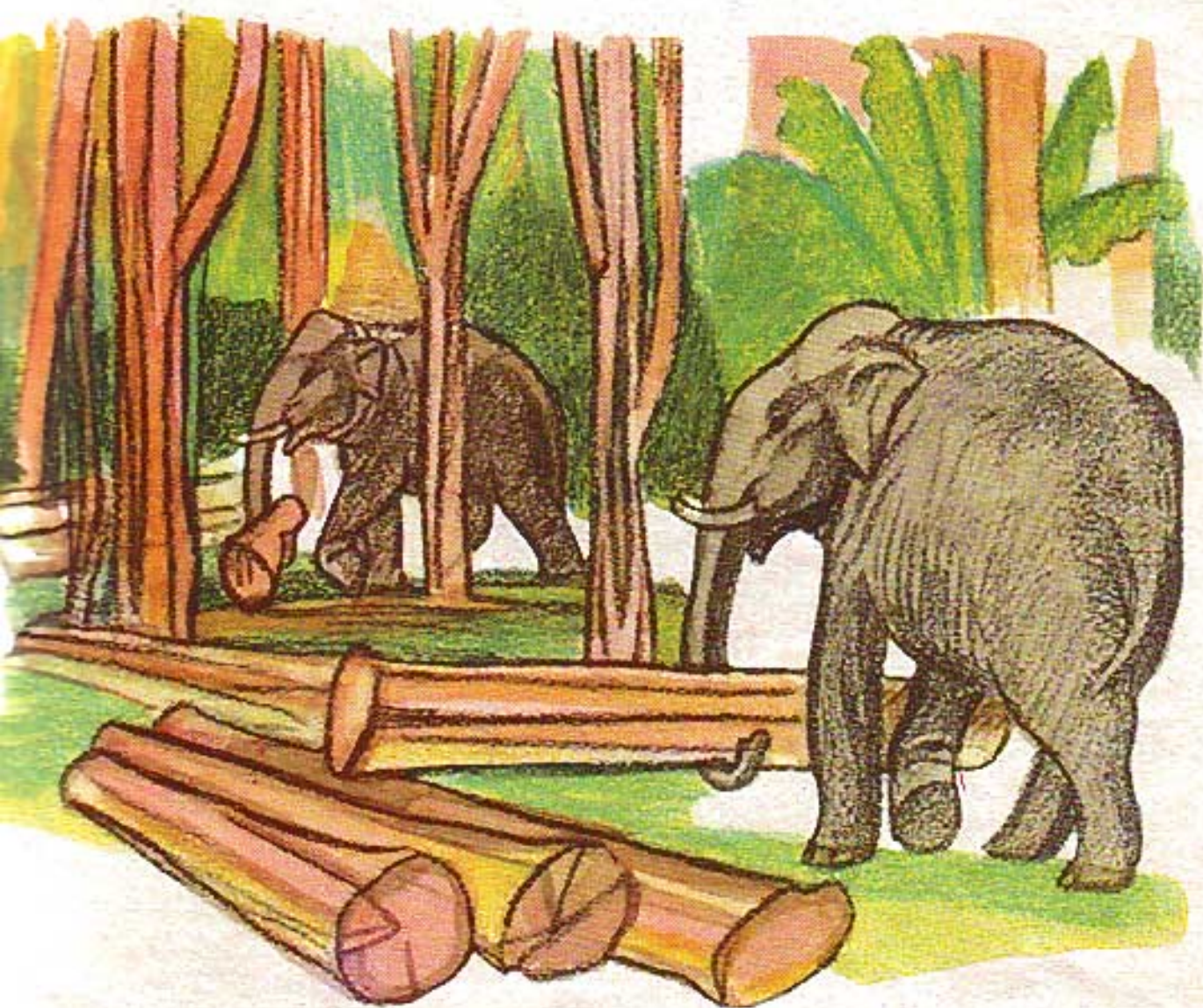
Носильщик ушёл не спеша в лес, а старик повесил хобот, повернулся задом к штабелю и стал смотреть на реку, как будто хотел сказать: «Надоело мне это и не глядел бы».

А из лесу идёт уже третий слон с бревном.

Мы — туда, откуда выходили слоны.

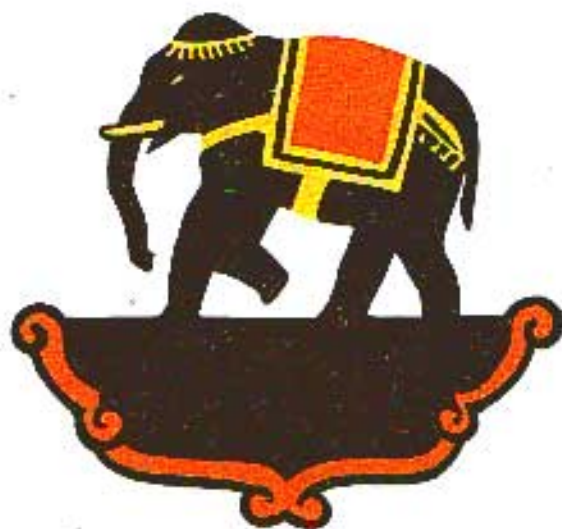
Прямо стыдно рассказывать, что мы тут увидели. Слоны с лесных разработок таскали эти брёвна к речке. В одном месте у дороги — два дерева по бокам, да так, что слону с бревном не пройти. Слон дойдёт до этого места, опустит бревно на землю, подвернёт колени, подвернёт хобот и самым носом, самым корнем хобота, толкает бревно вперёд. Земля, каменья летят, трёт и пашет бревно землю, а слон ползёт и пихает. Видно,

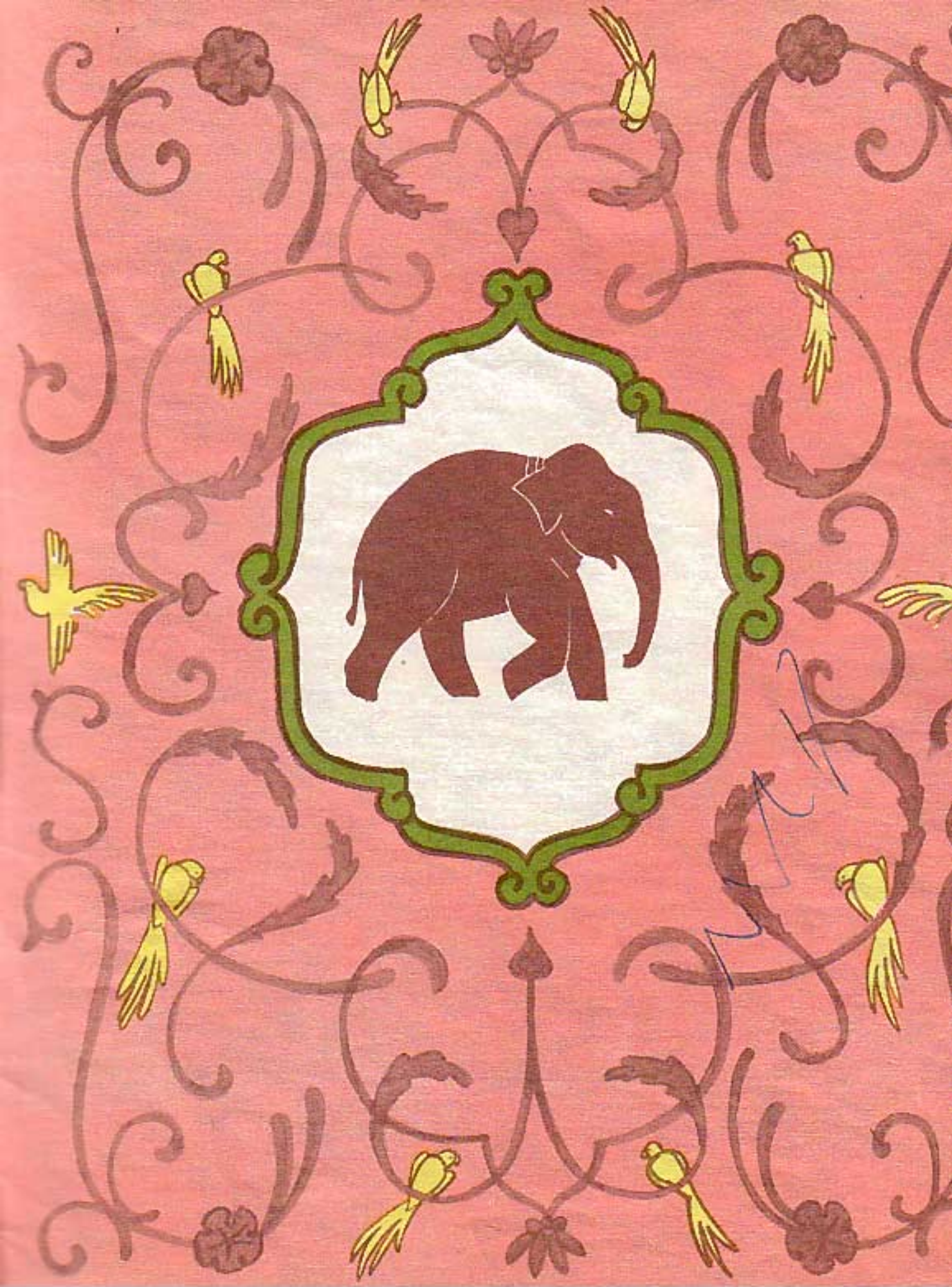

как трудно ему на коленях ползти. Потом встанет, отдышится и не сразу за бревно берётся. Опять повернёт его поперёк дороги, опять на коленки. Положит хобот на землю и коленками накатывает бревно на хобот. Как хобот не раздавит! Гляди, снова уже встал и несёт. Качается, как грузный маятник, бревнище на хоботе.

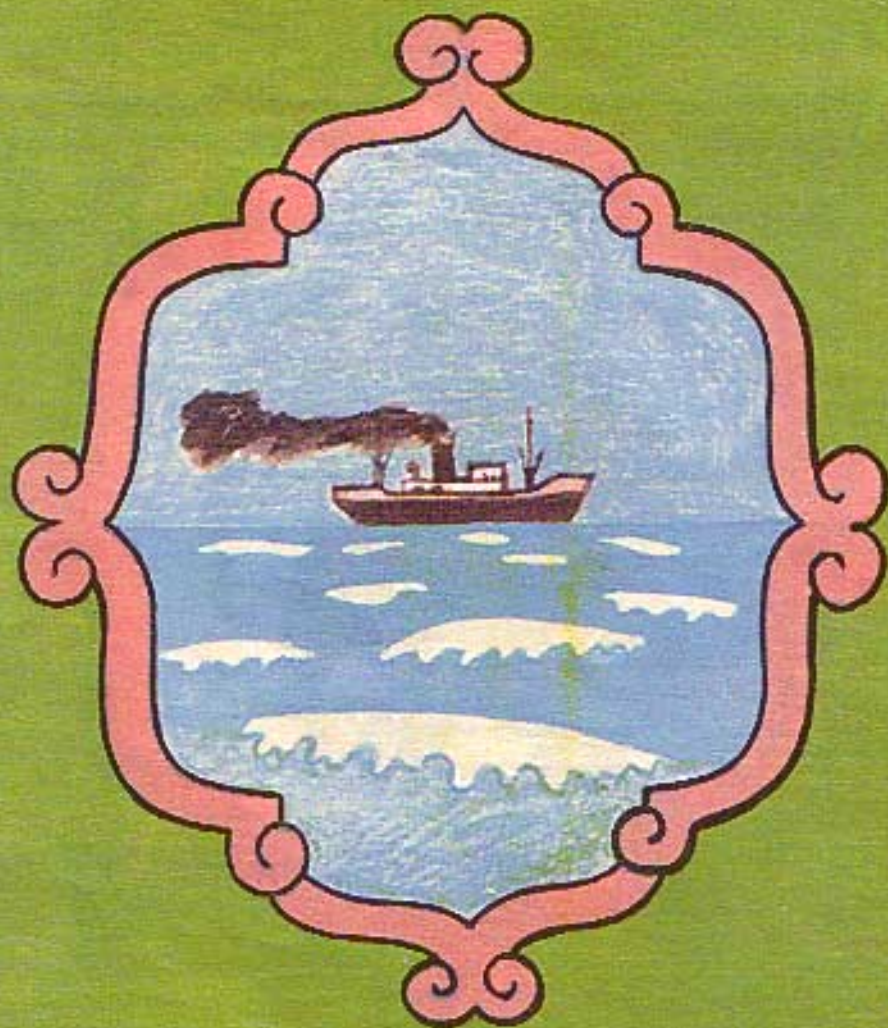
Их было восемь — всех носильщиков-слонов, — каждому приходилось пихать бревно носом: люди не хотели спилить те два дерева, что стояли на дороге.

Нам неприятно стало смотреть, как тужится старик у штабеля, и жаль было слонов, что ползали на коленках. Мы недолго постояли и ушли.

Для дошкольного возраста
 Борис Степанович Житков
 ПРО СЛОНА
 Художник Ю. Копылко

Редактор О. Лебедев. Художественный редактор Д. Пчёлкина.
 Технический редактор Е. Соколова. Корректор Н. Пьянкова.
 Сдано в производство 13/II-78 г. Подписано к печати 10/VIII-78 г.
 60x80 1/8, офс. № 7 (оба офс. № 1). Усл. печ. л. 2,4. Уч.-изд. л. 2,25.
 Тираж 300 000. Изд. № 3648. Заказ № 1001. Цена 30 коп. По оригиналам
 издательства «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 60.

Московский комбинат бумажных изделий Российского промышленного
 объединения по производству игрушек «Роспром игрушки»
 Министерства легкой промышленности РСФСР.
 Москва, Люсиновская, 30.